

Прощай, "Синий лен"...

Бывшая прима советской эстрады торгует в Германии обувью и ничуть не жалеет

“Ведь он волшебник — синий лен, нам снова сказку дарит он”, — напевала в 60-е годы прошлого века вся шестая часть суши. Этот хит принес всенародную славу Ларисе Мондрус. Еще до Аллы Пугачевой Лариса исполнила знаменитую песню “Миллион алых роз”. Но тогда она пелась на латышском языке, и в ней шла речь не о диве и художнике, а о безответно влюбленной латвийской девушке. Это было еще в той, первой жизни Ларисы Мондрус.

А потом она внезапно исчезла...

Вторая жизнь Ларисы началась в 1972 году в Мюнхене. В Германии она снова стала звездой. Только теперь в репертуаре были немецкие шлягеры. И хотя, по собственным словам Мондрус, ее популярность в Германии нельзя сравнить с российской, там у нее тоже были фанаты, выступления на немецком телевидении и диски-гиганты фирмы “Полидор”.

Сейчас у “несоветской” советской поп-дивы — третья

жизнь.

С Ларисой Мондрус и ее мужем, известным советским дирижером и аранжировщиком Эгилом Шварцем, корреспондент “МК” встретился в их уютном доме в фешенебельном пригороде Мюнхена Грюнвальде.

И ножки, и голос

— Лариса, работа в Рижском эстрадном оркестре и последующий путь к успеху неразрывно связаны с вашим супругом...

— В 1962 году Рижский эстрадный оркестр объявил конкурс. Эгил как дирижер оркестра являлся членом жюри и сразу решил взять меня на работу. Как я узнала позже, он сказал коллегам: “Эту девушку можно было принять, даже если бы она вообще не пела — за одни только ножки. А она еще и поет!” Мне сразу позвонили и сказали, чтобы я приходила на репетицию. Эгил занялся моим репертуаром.

— Значит, смешали профессиональное с личным?

— Об этом вам лучше Эгил расскажет.

— Да, это создавало кое-какие проблемы, — подтвердил Эгил. — Ведь я был на виду всего коллектива, и меня сразу же начали подозревать в том, что я покровительствую Ларисе. Но моя совесть осталась чиста: Лариса необыкновенно талантлива, и мне не приходилось делать ей какие-либо поблажки.

— Я была очень молоденькой и влюбилась в Эгила по уши, — продолжает Лариса. — Он человек незаурядный, с отменным вкусом и хорошим образованием, талантливый джазмен и, кроме того, очень привлекательный мужчина. Рядом с ним я понимала, как много мне не хватает. Я была совершенно “неотесанным” самородком, которому требовались умелые руки. Я еще не понимала, что такое стиль, хороший вкус, да и петь по большому счету не умела. Хотя недавно прочитала в Интернете переписку моих старых поклонников и узнала, что на мои школьные концерты специально приходили ребята из других школ.

Космонавты не возражали против мини-юбки

— Прибалтика всегда считалась в Союзе либеральным краем. Почему вы в 1964 году переехали в Москву?

— В Риге я находилась в очень узких рамках. В Рижском эстрадном оркестре кроме меня было несколько солистов. Все, что мне светило, — завершать второе отделение концерта. В Латвии это был мой потолок. А тут меня пригласил к себе Олег Лундстрем. Интересовался мной также Эдди Рознер. Он предложил Эгилу место дирижера, и мы отправились к нему. Москва могла предоставить мне совсем другие возможности, другую публику. И там я могла петь не только по-латышски.

— **В те времена вы считались первой модницей СССР, у вас был абсолютно западный имидж. Как вы подбирали прически, одежду?**

— Первое время ездила в Ригу, где были хорошие ателье, ориентированные на Запад. Латвия хотя и была закрытой, все равно тяготела к Европе. Там мы слушали западное радио, джазовые радиостанции. В Эстонии, к примеру, могли смотреть телевидение Финляндии. Рижские портные всегда шли в ногу со временем. Едва на Западе появились мини-платья, их сразу же начали производить в Риге.

— **Правда, что у вас возникали неприятности из-за появления на сцене в мини-юбке?**

— Да, это так. Однажды я выступала в Звездном городке перед космонавтами. Они сами меня пригласили. Многим я нравилась именно потому, что была модной. Космонавты ведь были нормальные парни, которые ценили красоту и понимали современные веяния. На сцену я вышла в мини-платье. Концерт прошел на ура. Но на следующий день меня вызвал директор “Москонцерта”: “Вы что! Совсем без царя в голове? Мы вас отправили на такой ответственный концерт!”.

Как будто без него космонавты меня бы не позвали... Между прочим, никто из космонавтов не протестовал против мини. Наоборот, они были в восторге. Видно, стукачи постарались. Дело закончилось выговором, и мне пришлось оправдываться и обещать, что впредь на такие важные концерты я буду одеваться скромнее. Но внутри все кипело от возмущения: они будут указывать мне, что носить!

— **Парни из Звездного не пытались за вами приударить?**

— Их постоянно сопровождали люди в штатском. Даже на банкетах после концертов, когда мы вместе выпивали рюмочку, возле них всегда маячили серьезные и непьющие типы. Если герои космоса слишком “тептели” в компании артистов, их тут же уводили.

“Просить мне было противно”

— **Покинуть Советский Союз вас и вашего супруга заставил, видимо, крепчавший идеологический маразм? Последней каплей, говорят, стало то, что на фирме грамзаписи “Мелодия” был зарублен ваш диск-гигант. Не последнюю роль в этом якобы сыграл Никита Богословский, председатель худсовета...**

— Я думаю, что ему, человеку талантливому и неглупому, приходилось кривить душой и приспосабливаться. Может, кого-то он и миловал, но мне не повезло.

— **А не было ли между вами открытого конфликта?**

— Он не проявлял неприязни по отношению ко мне. Наверное, ему не понравились мои фонограммы. Он не мог не понять, что они свежи и современны. Оркестр звучал здорово, много лучше, чем на записях его опусов. Может, почувствовал, что пришла молодежь с новыми идеями, и у него сработал инстинкт самосохранения. Вот и решил мне подгадить...

— **Можно сказать, что вы уехали по политическим мотивам?**

— Все получилось в комплексе. Живя в Москве, я из-под полы получала журнал “Америка”, узнавала, как живут “там”. Стала понимать, что насаждаемый сверху надзор над простым человеком — гнусность. Приезжая в провинцию, я видела, что в магазинах стоят только консервы и водка. Все остальное — по благу. Я знала, что ничего не получу, если не приду и не скажу, что я Лариса Мондрус. А просить мне было противно, просто омерзительно.

Под колпаком — у КГБ длинная рука

— **Почему вы выбрали Германию, а не традиционные эмигрантские страны — США, Израиль?**

— За несколько лет до отъезда я записала на телевидении ГДР некоторые песни по-немецки, в том числе песню Юрия Саульского “Бесконечное объяснение”. Уже приехав в Италию, где была “перевалочная база” отъезжающих, я подумала, что с этими записями можно поехать в Германию. Расчет оказался верным. Когда мы показали эти записи на студии “Polydor”, компания тут же подписала со мной договор.

— **Как вы оказались в Грюнвальде?**

— Сначала мы приехали во Фрайбург к родственнице Эгила. Там мы обратились в одно концертное агентство с вопросом, какой город может быть для нас перспективным. Нам назвали Гамбург, Франкфурт и Мюнхен. Ближе всего к Фрайбургу находился Мюнхен. Нас также устраивало и то, что рядом и Австрия, и Италия, и горы, и лыжи, и озера. Но наш первый приезд в Мюнхен совпал с пивным праздником “Октоберфест”. И первое, что мы увидели, — валявшихся кругом пьяных людей. Я даже испугалась: боже мой, здесь как в СССР! Лишь спустя некоторое время я узнала, в чем дело.

— **Говорят, что даже после отъезда вас пытались “достать” преемники Железного Феликса?**

— До перестройки я видела свою мать, оставшуюся в СССР, всего два раза. Первый раз — в Польше, куда она приехала по путевке, а второй — в ГДР. Туда она ездила тоже по путевке. В обеих поездках у нее “на хвосте” висело КГБ. Когда брат встретил меня у гостиницы, он предупредил: “Ларочка, мы не одни”. — “Как не одни?” — “К сожалению, с нами двое ребят, которые хотят с тобой пообщаться”. Я сказала: “Хорошо, завтра я с ними поговорю”. Ожидая провокации, я приехала в Восточный Берлин не одна, а с немецкой приятельницей. Надеялась, что в ее присутствии меня не станут трогать. И не ошиблась. Ночевать я отправилась к своей кухне в Западный Берлин. Мне позвонил Эгил. Я рассказала ему о происшедшем, и он велел мне немедленно садиться в машину и ехать в Мюнхен. Уже утром мы были дома. Позвонила маме и сказала, что у меня изменились планы.

— **Как вы думаете, чего хотели от вас “бойцы невидимого фронта”?**

— В ГДР я этого не поняла. Но они подходили ко мне и в Варшаве, были очень приветливы: “Мы просто хотели бы больше знать о вашем окружении, о чем говорят иммигранты, с кем из них вы знакомы, кого знаете из немцев? Ах, у вас свой магазин? Мы бы тоже могли вам помочь... с товаром...”

— **Говорят, у вас была костюмерша Люся, которая работала у Шульженко, затем у вас, а теперь работает у Пугачевой. Говорят, что Алла Борисовна недавно ее едва не уволила за то, что она якобы начала активно общаться с журналистами.**

— Сначала Люся Дороднова работала у Тамары Миансаровой. Однажды на гастролях в Донецке она пришла ко мне и сказала, что знает очень много моих песен, является большой моей поклонницей и хотела бы перейти на работу ко мне. Я не стала возражать. Через какое-то время она уволилась и поступила ко мне. Заведовала костюмами в коллективе и вела также мое домашнее хозяйство. Она проработала со мной до конца, провожала меня из Москвы. Уже потом Люся недолго работала у Шульженко, после чего перешла к Пугачевой. Когда она с Аллой приезжала за границу, то всегда мне звонила. Однажды Люся за ночь проговорила по телефону все свои суточные.

“Лицо резать не буду”

— **Почему вы в 80-е годы завершили эстрадную карьеру и открыли магазин? Причем магазин обуви, а не музыкальных инструментов или грампластинок?**

— Как и все в жизни, это произошло случайно. Однажды я отправилась на шестинедельные гастроли, оставив маленького сына Лорена с бабушкой, мамой Эгила. А когда вернулась, сынок меня не признал. После этого я решила: мальчик у меня такой долгожданный, что можно ради него и пожертвовать сценой. А что я умела, кроме пения? Ничего. Но решила, что должна чему-то научиться. В одной газете мы нашли объявление о продаже магазина итальянской обуви. Приехали, посмотрели. И Эгил уговорил меня его купить. Он говорил: “Ты всегда чего-то боишься, а когда тебя бросаешь в воду, то обязательно выплываешь”. На семейном совете мы решили, что попытаемся освоить этот бизнес. Поначалу было трудно. Когда я впервые приехала на выставку закупать обувь, то не шибко в ней разбиралась. Тем не менее больших ошибок не сделала. Этот магазин у меня уже 16 лет. У меня был еще один, который я продала, поскольку надоело разрываться между двумя точками. Теперь я с гордостью могу сказать, что являюсь в этом деле “профи”.

— **Внешне вы практически не меняетесь. В чем секрет вашей молодости? Кремы, маски?**

— Я думаю, такова моя природа. Я ничего особенного не предпринимаю, но зато стараюсь поддерживать себя в хорошей форме. Летом много катаюсь на велосипеде. У нас в семье каждый имеет свой велосипед. Зимой посещаю сауну, плавательный бассейн, тренажерный зал, чтобы мускулатура не атрофировалась. Важно оставаться в движении.

— **А не задумывались о пластических операциях?**

— К ним я отношусь отрицательно. Мне кажется, что некоторые звезды, начав “резать” свое лицо, дорезают его до неузнаваемости. От этого меняется и сама личность. Лицо выглядит моложе, но ведь это уже чужое лицо! Мне кажется, следует уважать свой возраст. И если ты сам с этим смирился и знаешь, что стареешь не ты один, а все твоё окружение, то в этом нет ничего зазорного, это нормально.